

Отель растоптанных желаний

Автор:

Александра Дельмаре

Отель растоптанных желаний

Александра Дельмаре

Казалось, всё хорошо в жизни замечательной девушки Веры Шагиной. Живет в красивом городе, работает в красивом отеле. Но портят жизнь маленькие мелочи – недавно ей исполнилось двадцать шесть. Такая вот убийственная цифра, и затянувшееся одиночество дает о себе знать. А ещё и эта страшная авария, которая вмиг разбила Верино благополучие. Как справиться с вызовом, который бросила ей судьба?

Александра Дельмаре

Отель растоптанных желаний

Пролог

Ника... Какое красивое, крылатое имя! Ни-ка... И правда, словно два крыла раскрылись за спиной, расправились мощно, чтобы можно было полететь вперед, к огромному солнцу, спускавшемуся к горизонту. Вера пробовала это имя на вкус, и оно ей нравилось, как нравилась маленькая девочка в жёлтой полосатой шапочке, ради которой она пришла сюда сегодня.

Наблюдая за ней, Вера стояла у ограды, полускрытая багровыми кустами, которые из последних сил сохраняли свои пожелтевшие, уставшие за лето

листья. Отсюда хорошо был виден дворик, заполненный детьми, и девочка, игравшая в песочнице. Она напоминала птенца, оставленного в одиночестве на большой и опасной дороге. Неприкаянная, бесприютная душа... Из песка Ника строила что-то, понятное только ей самой. Может, сказочный замок, где живут добрые, хорошие люди, или дорогу, которая уведёт её далеко-далеко, в страну, где на всех хватает счастья.

Полосатая кошка, невесть откуда взявшаяся здесь, устроила среди детей маленький переполох. Толкая друг друга, они дружно бросились к ней. Кошка ласково бодалась, терлась об ноги, требуя внимания и угощения, а дети смеялись и тянули руки, чтоб погладить тёплую спинку неожиданной и такой приятной гостьи. Только Ника осталась безучастной. Девочка оторвалась от своего занятия и смотрела вдаль. Кого она искала там, за оградой своего нового дома, кого ждала? Может быть, свою маму, которую не видела очень давно и без которой ей так плохо жить на белом свете?

Скользнув взглядом по Вериной фигуре, девочка замерла, встретившись с ней глазами. Встрепенулась, подалась вперёд, но через мгновение опустила голову. Нет, не она это, не мама, чужая тётя, ненужная... Расстроенная, отвернулась быстро. Чёрные косички, сверкнув белыми бантами, подпрыгнули в воздухе.

У Веры сжалось сердце. Она просто обязана помочь этой крохе, которая, едва начав жить, уже пострадала от жестокого мира. Она сможет сделать девочку немного счастливее, Вера уверена – у неё получится. Да-да, потому что она уже любила этого ребёнка. И жалела. Но это произойдёт чуть позже, а пока никак, совсем никак... Всё против неё.

Шагнув назад, Вера вышла на тротуар, на ветреную улицу и быстро пошла вперёд, не замечая дороги, не обходя серых луж, появившихся после ночного дождя. Осень – эта капризная дама в жёлтом – теперь правила её настроением, заставляя грустить вместе с багряными деревьями на аллее, ещё горевшими, словно печальные свечи, яркой листвой.

Но хватит, пора прогнать хандру, пора действовать. Всё решено, и она не отступит. Завтра же утром Вера снова придёт в этот дом. Надо было бы раньше, прямо тогда, после нехорошего, злополучного, бесконечного дня, который застрял в памяти и никак не исчезнет, вытесненный стремительным бегом времени.

Часть первая

Глава 1

– Позд-рав-ляем! Позд-рав-ляем!

Дружно подняв бокалы с шампанским, они скандировали так, что хотелось заткнуть уши. Не тот повод, друзья, чтоб так кричать. Но вместо этого Вера заставила себя улыбнуться, надеясь, что улыбка получилась искренней, и не сразу погаснет, а хоть немного задержится на губах. Не актриса она, но постаралась, не стоило портить людям праздник своим кислым видом. Хотя сидевшие за столом люди должны понимать, что в Верином возрасте стать на год старше не так уж приятно. Юность уходит, ничего не оставляя взамен. Незаметно вздохнув, именинница подняла глаза к потолку, к развешенным там разноцветным лампочкам, весело мигавшим в честь её грустного праздника. Боже, отныне ей двадцать шесть, это ли не трагедия?! Вы слышали, двадцать шесть! Страшно произнести вслух это короткое, убийственное словосочетание.

Но гости, маленькой компанией собравшиеся на её торжество, радостно озвучивали эту невозможную цифру, ловко вплетая невесёлую дату жизни Веры Шагиной в свои поздравительные речи. Особенно старалась Светка, и её слова в обрамлении музыки, звучавшей в зале, были красивы и убедительны. Она говорила про особенный день, про полный надежд новый год впереди, про точку отсчёта... Отсчёта чего? Дней одиночества, наполненных работой, тихими вечерами с книгой в руках и грустными мыслями о своей нескладной жизни?

Светке хорошо, ей не о чем жалеть. У неё дома муж, любимый и любящий. Возможно, в эти самые минуты Светкин идеальный мужчина укладывал спать их двухгодовалого сына Алёшку. Алёшка просто чудо, милый забавный пацан! Её подруга не теряла времени зря и уже многое успела в жизни, чего не скажешь о Вере. Достижений ноль. Зеро. Звучит безжалостно, но это так...

– Простите, я на минуту! Сейчас вернусь.

Расстроенная собственными мыслями, Вера отодвинула тарелку с одинокой тарталеткой и встала. В такт движению нежно вздрогнули её изумрудные серьги. Яркие, чистой воды изумруды огранки маркиз сверкнули в лучах электрического света. Пятьдесят пять граней каждого из этих драгоценных камней призваны были подчеркнуть зелёный цвет Вериных глаз и заставить восхититься ими. Дорогой подарок дорогого человека. Максим знал толк в драгоценностях, у него от природы хороший вкус. «Изумруды творят чудеса», – говорил Макс, ослепительно улыбаясь, поглаживая указательным пальцем мочку уха своей подруги. И губы его всё ближе и ближе... А она таяла от его прикосновений, от его нежности, от его бесстыдных поцелуев... Потому что любила, впервые, забыв обо всём на свете...

Только вот где они теперь, эти чудеса? И где он, Макс, с его красивыми словами и обещаниями вечной любви? Мелькнул и исчез из её жизни, словно сгоревшая в небе комета, искры которой разметал по свету звёздный ветер. И уже не сжималось болезненно сердце от мыслей об этом человеке, всё реже и реже всплывало в памяти его лицо...

Светка посмотрела вопросительно, куда это она? В синих глазах непонимание и лёгкая тревога. Хотела встать, пойти следом, но Вера отрицательно качнула головой. Та согласно кивнула, недаром дружат столько лет и уже без слов понимают друг друга.

Вера вышла на балкон, прикрыв за собой высокие мозаичные двери. Ажурные ограждения, плетёные кресла, которые так и звали отдохнуть на мягких подушках, кадки с крупными растениями – этот балкон настоящая фишка маленького ресторана, затерянного в тихом переулке недалеко от оживлённых улиц. Совсем рядом, в пяти шагах отсюда, шумел казанский Арбат – знаменитая улица Баумана, сердце города. А здесь, в маленьком дворике, уставшем от дневной жары, поселились покой и прохлада. У самого входа в ресторан, хорошо видимые в жёлтом круге света, разместились крохотные туи, рядом ухоженные клумбы с красочными зигзагами из малиновых и розовых примул.

Да, ей двадцать шесть, с этим надо смириться. И прекратить накручивать себя, прогнать прочь невесёлые мысли. Не тот сегодня день, чтобы думать о неприятном, Вера ещё найдёт для этого время. Это глупо, но сейчас она загадает желание. И, что ещё глупее, будет верить, что оно исполнится. Желание простое и понятное. Одинокой женщине, быстрыми шагами приближавшейся к своему тридцатилетию, нужна семья, нужен надёжный

мужчина, любящий и любимый, от которого у неё появится сын. Или дочка, Вере всё равно. Пусть так и случится, пусть сбудется загаданное, или судьбу-злодейку совсем не волновали её желания? Наверное, так и есть, ведь загадывала это и в прошлом году, и в позапрошлом, но, увы...

– Ну, ты где? Ждем! – Светлана приоткрыла балконную дверь. – Там уже мясо по-французски подают. И сними ты этот тёткин шарфик, пусть люди увидят твои красивые плечи и грудь.

– Нет уж, – отшутилась Вера, – я не готова пугать мир своей раскрепощённостью.

– Ладно, скромняга, идём!

Подруга схватила её за руку, потянула за собой через красивый, нарядный, пугающе огромный зал. Сопrotивляться Светкиному натиску – себе дороже. Вера шла за ней, едва поспевая, и улыбалась. Высокие каблуки лакированных туфель весело стучали по мозаичному полу. Из-за стола, на котором торжественно возвышался букет белых роз, ей махали друзья и коллеги. Семён, притворно хмурясь, крутил в воздухе пустой бокал, давая понять, что праздник и лично он ждут продолжения.

Вера улыбалась, потому что грусть вдруг куда-то ушла. Стало легко на душе, словно, загадав желание, она сделала что-то нужное, правильное, и скоро, совсем скоро удивительные перемены наступят в её жизни. Осталось самое трудное – ждать.

* * *

– Гранд Сити-отель, доброе утро! Чем могу быть полезной?

Вежливо и чётко отвечать на телефонные звонки – часть Вериной работы. Она администратор в большой и современной гостинице, хотя ей больше нравилось звучное слово «портъе». Работа администратора – это бесконечный приём звонков, регистрация и размещение гостей, бронирование номеров, борьба с зависающей компьютерной программой и вечная улыбка на лице.

Вера нравилось всё: и белая стойка ресепшен на входе, лихим росчерком золотых букв на передней панели повторявшая название отеля, и ряд настенных часов за её спиной, которые показывали время в разных городах мира, и форменный малиновый костюм, подогнанный по фигуре так, что юбка второй кожей липла к бёдрам. Даже маленький металлический бейджик с её именем на лацкане пиджака, сверкавший, словно драгоценность, радовал, грел душу. Год назад Вера со своим скромным резюме и не мечтала попасть в такую хорошую гостиницу, но долгожданное «вы приняты» к её огромному удивлению последовало уже через три дня после собеседования. Какое счастье, что она тогда понравилась здешнему управляющему!

С утра Вера уже заселила одного важного гостя, холёного, с дорогим, но слишком сильным парфюмом и не менее дорогими часами. Напыщенный тип с пронзительным взглядом. Они со Светкой называли таких клиентов «сложными экземплярами» и не особо жаловали. Такие постояльцы, словно проверяя администраторов на прочность, часто выставляли непомерные требования капризным, не терпящим возражений голосом. Никогда не знаешь, чего он захочет: или ванну с мёдом, или пять пуховых подушек, или цвет постельного белья не понравится, и гость будет требовать его сменить. Справедливости ради надо сказать, что такие истории, навсегда остававшиеся в памяти дежурного администратора, случались нечасто.

Другая нелюбимая категория клиентов – «позолоченные». Эти снобы требовали меньше, но напрягали вечной маской недовольства и брезгливости на лицах. Всем своим видом они пытались показать, что привыкли к лучшему и с трудом терпят здешние условия проживания. Служащие отеля были счастливы, когда такие клиенты покидали, наконец-то, их гостиницу.

Были ещё «герои-любовники», приводившие сюда своих подруг, часто разных, чтобы развлечься, провести наедине с любовницей несколько часов или целые сутки. Эти заселялись быстро, пряча глаза, усиленно делая вид, что они здесь впервые.

Но чаще их клиенты оказывались милыми и приятными людьми. И, кажется, один такой только что вошёл в вестибюль. Симпатичный молодой человек, быстро оглядевшись, улыбнулся, оставшись довольным увиденным, и направился прямо к ней. В руках только папка. Отсутствие багажа Веру насторожило. Или багаж остался в машине, или это «тайный гость», головная боль всех рядовых сотрудников гостиницы? Хотя в отеле таковых ещё не было,

но страшилки об их набегах, приносивших кучу неприятностей, ходили всегда.

– Здравствуйте, Вера! – посетитель оторвал взгляд от её бейджика и поднял глаза.

Почему-то она сразу обратила внимание на эти серые, со стальным блеском глаза, хотя после предательства Макса мужские глаза, как и сами мужчины, Веру не интересовали. От слова совсем.

– Доброе утро! Рада приветствовать вас в нашем отеле! Вам нужен номер?

Эти набившие оскомину фразы, уже навсегда застрявшие в памяти и сшившиеся Вере по ночам, выскакивали сами собой. Но красавчик не отвечал, продолжая рассматривать её. Пауза затянулась.

– Так что, вы намерены остановиться у нас? Могу предложить люкс, полулюкс, стандарт.

Вера продолжила свои попытки добиться ответа от странного молодого человека. Неужели она ошиблась, и перед ней типичный «позолоченный»? Намётанным глазом девушка успела зацепить взглядом его дорожные мокасины из светлой кожи, такие стоят уйму денег.

– Эй, а со мной что-то не так?

Ну, вот, не сдержалась. Но сколько можно на неё глазеть? Тут поневоле выйдешь за рамки инструкций. Администратор не может такого позволять при разговоре с гостем, но и она не картина в музее, чтоб её рассматривали столь бесцеремонно.

– С вами всё очень, очень хорошо, – наконец подал голос незнакомец и снова улыбнулся. – Я рад, что такие милые девушки работают в этом отеле. Если б не вы, я бы, может, уже развернулся и ушёл.

– Почему бы вы ушли? Что-то не так? У нас прекрасный номерной фонд...

– Нет-нет, не нужно. Если вы не против, я посижу немного здесь.

Он кивнул в сторону лобби, которым отель по праву гордился. Гость не найдёт тут мрамора, золота или фонтанов, но в зоне лобби его ждали мягкие кресла, диваны с ярко-жёлтыми полосатыми подушками и симпатичные антикварные статуэтки. Здесь хотелось остаться и просто сидеть, наслаждаясь покоем, наблюдая за жизнью улицы через высокие панорамные окна, искусно декорированные шторами-плиссе.

Какой странный! Не нужен номер, тогда зачем он зашёл сюда? Вера не успела придумать причины визита парня, потому что перед ней возник утренний «сложный экземпляр». Его лицо выражало крайнюю степень недовольства.

– Какие-то проблемы?

– Да. Очень шумно, знаете ли, – он недовольно фыркнул. – Невозможно шумно. Соседи слева всё утро занимались любовью. За стеной творится чёрт знает что!

– Даже не знаю, что и сказать... – начала Вера, но мужчина перебил её: – Я попросил горничную разобраться, но эта нахалка только усмехнулась.

– Я попытаюсь что-то сделать, но не можем же мы запретить им любить...

– Не отель, в гнездо разврата! – мужчина повысил голос, и в нём появились визгливые нотки. – А дежурный администратор ничем не может помочь своему гостю?! Что за порядки у вас тут?!

– Мы постараемся всё уладить, прошу вас успокоиться.

– Я хотел успокоиться, но в мини-баре не оказалось бренди!

Для пущей убедительности он гневно взмахнул рукой, которая тут же была перехвачена подошедшим к стойке красавчиком, который крепко сжал запястье мужчины. Значит, тот наблюдал за конфликтом и решил вмешаться?

– Фил?! Вот так сюрприз! – кустистые брови мужчины удивлённо поползли вверх. – Откуда ты здесь? И зачем?

Неужели конфликт исчерпан? Мужчина, от недовольства которого не осталось и следа, потянув парня за собой, к диванам, задавал правильные вопросы. Вере тоже интересно было бы узнать ответы на них, где-то там внутри проснулось и подняло голову простое человеческое любопытство. Действительно, зачем он тут? Кого ждёт? Задал парень загадку своим появлением, а загадки не любят надолго оставаться неразгаданными.

* * *

С верхних этажей отеля мрачнее тучи спустилась Светлана, по понедельникам она проверяла работу горничных. Это не самое приятное занятие тоже входило в круг обязанностей администраторов. Разбираться с бойкими горничными – а у них все такие – то ещё приключение, тут не до улыбок. Хмурая Светка зашла за стойку, встала рядом. Вместе они смотрелись необычно: Вера, светловолосая и белокожая, и знойная смуглянка Света. Один Всевышний знает, почему родители её так назвали.

– Голова раскалывается, – пожаловалась подруга, протягивая руку к бутылке минералки.

Вера кивнула. После вчерашнего шумного вечера она тоже чувствовала себя не слишком бодро.

– Ну, и что у нас тут? – сделав несколько глотков, Светка, пощёлкав мышкой, заглянула в компьютер.

– У нас тут непонятный субъект. Вон тот, помоложе, – Вера кивнула в сторону лобби, где расположились мужчины. – Откликается на Фила. Номер ему не нужен, а что нужно – непонятно.

– Симпатичный, – резюмировала Светка, игриво поправив тёмный локон, упавший на щёку. – Пусть остается, разберёмся. Нам такие нужны, – она весело подмигнула Вере. – А вот и Рашид Тимурович.

В дверях показался Камалов, управляющий отелем, мужчина солидный и уважаемый сотрудниками за справедливость и не въедливость. Можно смело утверждать, что с шефом Вере повезло. В его руках лёгкий льняной пиджак, значит, на улице снова жара. Как и вчера, когда настоящее пекло, длившееся до

самого вечера, прогнало людей с раскалённых улиц. Похоже, этим летом всем достанется солнца и тепла. Сколько хочешь, вволю...

Поприветствовав девушек за стойкой, Камалов собирался пройти мимо, но, окинув взглядом зону лобби, остановился.

– Филипп? Вот так встреча? Ты ко мне?

– К вам, Рашид Тимурович, – у подошедшего к нему парня немного смущённый вид, который так не вязался с его брутальной внешностью, внешностью человека, привыкшего быть победителем по жизни.

И всем-то он знаком... Похоже, молодой человек довольно популярная в городе личность.

– Идём ко мне в кабинет! Как отец?

– Отец? С отцом проблемы. Во всяком случае, у меня.

– Вот как? Ну, рассказывай, чего не поделили.

Рассказа подруги не услышали, мужчины прошли мимо, к лифтам. Вере показалось, или парень, обернувшись, подмигнул ей. Если это так, то он просто самоуверенный нахал! Возомнил, что ему всё можно? Не понимает, что так себя не ведут с незнакомыми девушками? Но всё же интересно, что у него за дело к Камалову, с которым, оказывается, он близко знаком?

Ситуация, благодаря Светке, прояснилась через час. Для неё загадку разгадать, как орешек щёлкнуть. Покрутившись у кабинета управляющего, поговорив с горничной, которая убирала его кабинет, она поделилась с Верой горячими новостями. Оказывается, их непонятный гость – Филипп Раевский, единственный сын известного в городе отельера и бизнесмена Романа Раевского.

– К сожалению, Вер, женат, – добавила она, притворно вздохнув.

Вера страдальчески закатила глаза. Сколько можно говорить, ей никто, никто не нужен! Мужчины-предатели, она о них знать ничего не хотела!

Как оказалось, это были не все новости. После обеда управляющий собрал сотрудников в своём кабинете.

– Ну, что, друзья, в нашем полку прибыло. У нас новый сотрудник, да, вот так! Прошу любить и жаловать – Филипп Романович Раевский с завтрашнего дня будет у нас работать. Сначала администратором, через пару-тройку недель, а когда освоится, – главным менеджером, моей правой рукой. У Филиппа большой опыт работы в нашей сфере.

Вера взглянула на Семёна: его щёки пошли красными пятнами. Семён Мальков уже полгода занимал эту должность, получить которую было его мечтой. И Вериней, кстати, тоже, плох тот солдат, что не мечтает стать хотя бы старшиной. Мечта Семёна сбылась, но, похоже, ненадолго. А теперь снова вниз, за стойку? Вера покачала головой: нехорошо вот так неожиданно обрушивать на голову бедного парня столь неприятные новости.

– Не стоит волноваться, работы на всех хватит. Зарплата Семёна не пострадает, обещаю, – Камалов поискал его глазами. – А теперь за работу, нас ждут великие дела. Вера Антоновна, а вам поручаю ввести в курс дела нашего нового сотрудника.

– Мне? Рашид Тимурович, есть более опытные администраторы. Мальков, например, справится лучше...

Вера пыталась возражать, но это было бесполезно, её никто не слушал. Камалов уже уткнулся в ноутбук, устроившись за письменным столом в любимом кожаном кресле, сделанном по специальному заказу итальянскими мастерами.

– Я буду счастлив учиться у такого первоклассного специалиста, – Филипп подошел к ней, встал рядом.

– Это ирония?

– Упаси боже, нет, – Филипп энергично потряс головой, но глаза смеялись. – Готов приступить к учёбе прямо сейчас

Потешается? Ну, что ж, в ближайшие пару дней она устроит этому весёлому Филу весёлую жизнь!

– Жду завтра внизу у стойки, – Вера взглянула на часы, – ровно в девять. И попрошу не опаздывать.

– Слушаюсь, начальник!

Смерив весельчака мрачным взглядом, она лихо развернулась, едва не сломав каблук, но дальше пошла, ступая уверенно и легко. Шутки в сторону! А тот, кто смотрел сейчас ей в спину и улыбался, пусть знает – она твёрдый орешек.

* * *

– Ты сегодня не в духе? – заметила мама, разливая чай по голубым, с весёлыми картинками, чашкам. – Что-то не так на работе, Вера?

Они сидели у открытого окна, наслаждаясь вечерней прохладой, которая лёгким, пахнувшим цветами ветерком врывается на кухню.

– Да всё в порядке, мам.

Вера следила взглядом за ночной бабочкой, залетевшей в окно; когда-то она верила, что в этом хрупком создании с тусклыми серыми крылышками живёт душа умершего человека. Может быть, вот в этой душа её отца...

Известный в Казани архитектор Антон Александрович Шагин рано покинул этот мир. Вере было двадцать, когда заболел отец. Свой страшный диагноз – рак поджелудочной железы – он скрывал до последнего, пытаясь уберечь родных от переживаний, от того ужаса, с которым столкнулся сам, узнав о неизлечимой болезни.

Бабочка-огнёвка, запутавшись в складках тюли, отчаянно, из последних сил рвалась на свободу. Не выдержав, Вера встала, расправив ткань, вытряхнула за окно непрошеную гостью. Пусть летит, пусть не здесь, а в открытом небе закончится её коротенькая жизнь.

– А как прошёл твой день, мама?

– Да всё в порядке.

Обе улыбнулись. Они похожи, поэтому и говорят одинаковыми словами, одинаково мыслят и воспринимают жизнь. Да и внешне мама и дочь – словно две сестры, обе стройные, светловолосые, зеленоглазые. Только мамины глаза уже чуть-чуть побледнели под натиском прошедших лет. Так, самую малость. И волосы украсили запутались серебряные нити. «Рыбки мои золотые», – говорил отец, обнимая их за плечи, а они смеялись, потому что всё было хорошо в их жизни, в их дружной семье. Как рано он ушёл, и как потускнела жизнь с его уходом... Вера уже смирилась с потерей отца, а мама нет. Не отболело её сердце, хотя прошло шесть долгих лет.

Шесть лет назад, взяв себе звучное имя Алла Найдт, мама начала писать книги. Это были фантастические романы, где люди были бессмертны, как боги, где в странном магическом мире жили огненные драконы, обрушивая на неугодных свою яростную мощь, где шли игры на выживание, и побеждали самые сильные, ловкие и умные. В этих книгах легко и просто можно было попасть в другой мир, полный опасностей и приключений, или поступить в магическую академию, где изучали науку волшебства, да мало ли ещё куда можно попасть в этих книгах, где властвовали тёмные принцы, где жили чудовища, ведьмы и леденящий душу ужас.

Мама работала в библиотеке, была на «ты» с книгами, поэтому в тяжёлое для себя время нашла близкое по духу занятие – сочинительство. Вера всячески поддерживала её и была первой читательницей книг Аллы Найдт, искренне восхищаясь придуманными мамой историями.

– Знаешь, сегодня еду в маршрутке, – прервала её мысли мама, – и заходит девочка. Маленькая такая. Просит у водителя счастливый билет. Ей нужно загадать желание, говорит. У неё мама лежит в больнице. И водитель, добрая душа, отдаёт ей целый рулон! Чтоб сама нашла нужный.

– Чудеса!

– Да, нечасто такие люди встречаются. Я подошла поближе, хотела взглянуть в глаза доброму водителю. Оказалось, это мой одноклассник Юра Беляев!

Представляешь?

Она подвинула ближе к Вере тарелку с эклерами, сцепила руки под подбородком, взглянула на дочь, оценивая её реакцию.

– Ничего себе! Мам, вся эта история достойна того, чтоб оказаться в твоей книге.

– Может быть... Юрку этого я всегда не любила, но за что, не знаю. Так бывает, и этому нет объяснения. А он пытался за мной ухаживать. Помню, танцевать пригласил на выпускном и не отходил целый вечер, отпугивая других кавалеров. Смотрел таким преданным взглядом...

Она замолчала, не договорив, и задумалась, вспоминая светлые времена далёкой юности.

Одноклассник Юра? Вере очень хотелось, чтоб мама проявила интерес к какому-нибудь достойному мужчине. Пусть придёт конец её больному, никому не нужному одиночеству, пусть жизнь подарит этой замечательной женщине немного счастья.

А история с Беляевым что-то очень ей напоминала. Да, Макс, учившийся в параллельном классе, тоже ещё в школе выделил Веру из толпы девчонок. Она часто замечала его внимательный взгляд, смущалась и отворачивалась. Как-то подошёл к ней на улице, спросил, можно ли проводить. От неожиданной радости Вера опустила голову вниз, чтоб спрятать счастливые глаза, думая, как ответить, что она согласна. Очень даже согласна! Но слова не приходили, подвели её слова, не нашлись в нужный момент... Пока думала, Максим исчез, по-своему оценив её молчание, решив, что девчонка не хочет даже разговаривать с ним.

Мысли о нём, о своей оплошности долго тревожили Веру. Она ждала других попыток знакомства, смотрела вопросительно, сталкиваясь с Максом в коридорах школы, сменила бесцветную помаду на розовую и подкрашивала глаза, но он уже переключил внимание на другую, симпатичную и бойкую Лену Сергееву из десятого «Б». Такая не растеряется, такая быстро ответит согласием, когда парень предложит проводить её домой. А потом позовёт на чай и, переодевшись в симпатичное коротенькое платье, будет хлопотать у стола и мило щебетать, заглядывая ему в глаза. А провожая, поцелует в щёку. И вот уже

положено начало дружбы, надолго, может, навсегда.

И почему она так не может?

Вера встретила с Максом только через несколько лет. Случайно, в торговом центре, куда они с приятельницей забежали, чтоб побродить по магазинам женской одежды и, может, порадовать себя новыми нарядами.

– Алина, как я тебе?

Девушка вышла из примерочной кабинки в чудесном летнем костюме. Простой крой жакета, шорты свободного покроя, эффектно открывавшие ноги, тонкий кожаный пояс. То, что Вера увидела в зеркале, ей понравилось.

– Очень даже ничего, – заметил какой-то парень, выглянувший из кабинки напротив.

Где же Алина? Обещала помочь с выбором, стоять рядом и ждать, пока Вера наденет этот потрясающий, обманчиво строгий костюм.

– А вот вашего мнения никто не спрашивает, – не найдя Алины, она перевела глаза на молодого человека и обомлела – это был Макс Шевелёв собственной персоной.

– Но я не мог вами не восхищаться, это выше моих сил, – произнёс Макс приглушённым голосом. – А костюм обязательно надо брать.

Он не узнал Веру. А может, забыл. Кто она такая, чтоб её помнить? Глупая школьница, почему-то не захотевшая с ним подружиться. Надо сказать в ответ что-то остроумное и сказать быстро, не молчать, как тогда, в тот далёкий день. Не наступать на собственные грабли, произнести хоть что-нибудь, в конце-то концов!

– Мне приятно ваше восхищение, – наконец, выпалила она. – А не хотите ли проводить меня домой?

Смело сказано и неожиданно для себя самой. Но удивить, значит, заинтересовать. Максим, вскинув на неё изумлённые глаза, кивнул, не раздумывая.

Только на третьем свидании Вера рассказала ему, что они знакомы. «Совсем чуть-чуть. Просто ходили когда-то по одним школьным коридорам», – говорила она. «Правда?!» – Макс был поражён. Удивить снова, значит, заинтересовать вдвойне.

Так началась недолгая история их любви.

Глава 2

Нырнув с бортика в голубую прохладу бассейна, Фил проплыл под водой несколько метров, ощущая, как радуются мышцы мощному движению тела. Вынырнув, поплыл кролем, через каждые три гребка выдыхая вправо и влево. Так ещё в детстве учил его тренер, а Филипп был хорошим учеником. Задачу под названием «научиться плавать» он решил в рекордно короткие сроки. Потому что очень старался, потому что, гордясь собой, ждал похвалы отца.

Ожидание его одобрения сопровождало Филиппа всё детство. И когда он брал приз на теннисном корте, и когда, крутя педали из последних сил, побеждал в велосипедной гонке. Пусть скажет «молодец, горжусь», пусть улыбнётся и похлопает по плечу, ободряюще кивнёт, в конце-то концов, или просто как взрослому пожмёт руку. Но застывшее лицо Романа Станиславовича Раевского не отражало никакой радости по поводу успехов сына. Лишь равнодушие и безразличие было на его лице...

Перевернувшись на спину, Филипп раскинул руки и замер на водной глади, глядя на высокие своды бассейна, где, словно звёзды в небе, рассыпались яркие светильники. Один, два, три... Он считал их, чтобы отвлечься от мыслей об обидах детства, чтобы вернуть себе хорошее настроение, которое редко покидало его.

Девушка в чёрном купальнике, замерев на верхней ступеньке лестницы, осторожно попробовала ногой воду. Тонкая талия, впечатляющих размеров грудь, длинные ноги – всё в ней радовало глаз. Подошла ещё одна, тоже красивая, в отчаянно смелом купальнике, не оставлявшем простора для мужской фантазии, и легко столкнула подругу в воду. Смеясь, прыгнула за ней, взметнув вверх фонтан брызг, на секунду скрывших её весёлое лицо.

Фил улыбнулся, так заразителен был её смех. А что, ему нравилось здесь, в этом фитнес-клубе. Если так дело пойдёт, то он быстро забудет об отцовском бассейне с противотоком, отделанном итальянским, сумасшедше дорогим мрамором, бассейне, который обслуживал специально нанятый человек. Пусть скучает без него там, рядом с зимним садом на первом этаже огромного особняка, который до недавнего времени был его домом.

Он уже одевался в просторной раздевалке, полной зеркал, бросая удовлетворённые взгляды на отражение своего сильного, накачанного тела, когда позвонила Инга. Фил сердито сдвинул брови: в последнее время отношения с женой оставляли желать лучшего. Разладились совсем, особенно после того, как они покинули особняк отца и переехали в свою квартиру, подаренную им на свадьбу. Инга была против. Категорически против. Ещё бы, она лишилась прислуги, убиравшей дом и готовившей обеды, и теперь эти почётные обязанности перешли к ней. А как по-другому, на то ты и жена, хозяйка дома? Несложно догадаться, что Инга не любила готовить. Как, впрочем, и убирать, стирать, гладить. Домашние дела, стояние у плиты её раздражало. Филипп обещал нанять помощницу по хозяйству, но пока этого не случилось.

– Да, дорогая!

Последнее слово он добавил скорее автоматически, их любовные отношения медленно сходили на нет. Судя по томной расслабленности жены, с которой она встречала его по вечерам, судя по её растущему равнодушию к мужу, по странной погружённости в свои мысли, не свойственной Инге, Филипп начал подозревать, хоть до конца и не уверен, что она завела кого-то на стороне. Раньше от одного такого предположения он сошёл бы с ума, но теперь всё иначе, и взаимное равнодушие легко избавляло от претензий друг к другу.

– Я тут присмотрела себе шубку, – заворковала Инга. – Офигенная такая, с соболиным воротничком. Норка просто шёлковая, чудо как хороша. И цена

летняя, не зашкаливает.– Она говорила быстро, сыпала словами в самое ухо, заставляя Фила морщиться. – Лучше, чем у Киры, ты же помнишь её белое манто?

Нет, он не помнил ни белого, ни чёрного манто, да и саму Киру с трудом узнал бы на улице. Это негласное соревнование с подругами в Инге его просто бесило. И почему женщины так любят конкурировать между собой?

– Мне кажется, у тебя есть пара-тройка прекрасных шуб, – недовольно произнёс Филипп. – Поправь меня, если я ошибаюсь.

– Филя, да я ношу их уже несколько лет!

Филя?! А вот это она зря сказала! Забыла, как ненавидел твой муж этот куцый вариант своего звучного имени? Филя – это тот, с большими ушами, что каждый вечер желает малышам спокойной ночи с экрана телевизора, а никак не он, Филипп Раевский.

– Давай попробуем обойтись без лишних трат, – стараясь не показывать, как он зол, ответил Филипп. Держа телефон зажатым между ухом и плечом, он пытался надеть джинсы, которые сопротивлялись и никак не хотели натягиваться на влажное после душа тело. – Ведь мы же договорились жить на свои, кровно заработанные, правда? И запомни, дорогая, твоего мужа зовут Филипп.

– Иди к чёрту! Ты невыносим! – она нажала кнопку отбоя.

Когда Инга стала такой? За два с небольшим года, что они вместе? Его жена выросла в семье среднего достатка, но всегда хотела большего. В последнее время, как запасливая белочка, она набивала свой гардероб дорогой одеждой и обувью, складывала в шкатулку подаренные на дни рождения и праздники золотые украшения. Словно предчувствовала, что развод не за горами, и уже смирилась с этим.

Развод, так развод! Да, надо признать: попытка создать семью у них с треском провалилась. Разные они, да и любви нет. Кажется, оба стали это понимать.

Быстро собравшись, Филипп вышел на улицу. На секунду остановился у входа, зажмурившись от нестерпимо яркого солнца. В его лучах город казался сверкающим, словно был выстроен из драгоценного золотого песка талантливыми мастерами. Солнце весело играло на отполированной крыше автомобиля, припаркованного рядом. Его Ford Mustang, его любовь, его радость, этому железному другу неведомы измены. Фил устроился за рулем, включил кондиционер, не удержавшись, погладил панель, обтянутую кожей. Улыбнулся. Всё-таки жизнь прекрасна. Он любил этот мир и себя в нём, симпатичного, молодого, нахального. Сегодняшний выходной Филипп закончит в самом лучшем барбершопе в городе, надеясь, что особенная мужская атмосфера салона, которую Фил так ценил, окончательно поднимет ему настроение.

* * *

Он был влюбчив, в зону его особого внимания с шестнадцати лет попадали все более-менее симпатичные старшеклассницы. Блестящей наживкой для Филиппа были ангельское личико, стройные ножки, высокая грудь и тонкая талия юной особы, другие параметры, кроме внешности, не учитывались. Другие параметры – это для дурнушек, которых природа-мать обделила красотой, словно в насмешку дав им в утешение ум и доброту.

Влюблённости проходили быстро, месяц-два, и его сердце уже не замирало при виде своей подружки, не останавливалось, чтоб забиться с удвоенной силой. У очередной Олечки или Полины он начинал видеть слишком большой нос или кривоватые зубки, и чувства исчезали, чтоб вспыхнуть вновь недель позже при встрече с новой красоткой.

То ли небо так распорядилось, то ли девчонки попадались неприступные, но свою невинность Филипп потерял поздно, в шестнадцать лет. Этот день он не забудет, потому что это был день его рождения, который праздновался по-взрослому, без бдительного ока родителей, и такой подарок преподнесла парню одноклассница Катенька. Катенька совсем не желала дарить себя, но было много вина, зажигательной музыки, был лёгкий кайф от чувства свободы и ментоловых сигарет, выкуренных с именинником на балконе. Они смеялись и целовались, обнимая свою подружку, Филипп жадно изучал руками созревшее для любви женское тело, не мог оторваться. Пьяненькая Катенька не возражала и даже сама, немного смущаясь, лёгкими движениями касалась его восставшего в брюках достоинства.

А после он просто взял её за руку и повёл за собой, в свою комнату, на свою узкую кровать, будущее ложе любви, которое ещё не знало женщин. Филипп помнил, как разметались на подушке с чёрной наволочкой её светлые волосы, как извивалось на шёлковой простыне её тело, которое он целовал тёплыми пьяными губами, как вдруг появился испуг в Катенькиных серых глазах. Но было поздно, Филипп уже навалился сверху, прижал крепко свою сладкую подружку, вдавил в постель и ни за что б не отпустил.

Потом было ещё несколько тайных свиданий. Первая стадия взаимного узнавания уже прошла, и, осмелев, они начали искать разнообразия, пробовали более смелые ласки и новые позы. В угаре страсти Филипп не мог и предположить, что встреча с Катенькой принесёт молодому человеку серьёзные неприятности. Но Катенька забеременела, и это был ужас для них обоих. Страшно было подумать, что будет, если об этом узнают родители. Только не это! Отец, обрадованный, что нашёлся достойный повод, его просто убьёт... Но ситуация разрешилась сама собой. Юной девушке Кате тоже не нужен был ребёнок, и она сама нашла способ избавиться от неприятного состояния в одной из частных клиник. От Филиппа «пострадавшая» потребовала только деньги, вполне приличную сумму, которую он едва нашёл. А ещё – чтоб исчез с глаз долой. Всё это, вздохнув с облегчением, он с готовностью выполнил.

Филипп утихомирился на какое-то время, но ненадолго, молодое, познавшее сладость любви тело просило своего, нереализованные желания не давали спать по ночам. Теперь он выбирал в подруги более опытных дам, они были старше и искуснее в любви, имели своё жильё, что решало вечный вопрос о месте любовных свиданий. Но через пару романов, и осторожных, и стремительных, появилась она. Инга.

В тот день после очередной ссоры с отцом Филипп сидел в кафе у окна и, зажав в руках стакан с выпивкой, перебирал в памяти слова, которыми Раевский-старший наградил сына. Никчемный, бестолковый – самые слабые из них. Филипп нахмурился, вспоминая гневную речь отца. Не стоило сечь его словами, словно розгами, он давно не мальчишка. Поводом для ссоры стала учёба в университете. Ну пропустил пару-тройку дней занятий, в первый раз, что ли? И как только бдительный папаша узнал об этом? За ним шпионят? А как объяснить отцу, что достала уже эта учёба! Но его сын способный парень, перед экзаменами полистает пару-тройку вечеров дурацкие учебники и всё сдаст. Делов-то!

Взглянув по сторонам, Филипп не нашёл ничего, заслуживавшего его мужского внимания. И за окном ничего интересного, за окном октябрь, за окном нелюбимая осень, поникшие кусты и спешившие куда-то по мокрым тротуарам замёрзшие люди. Но вот на автобусную остановку подошла девушка, высокая и стройная блондиночка с короткой стрижкой. Узкие чёрные джинсы как-то особенно правильно облегли её бёдра. Лица не было видно, но Филипп был уверен, что с лицом у девчонки всё в порядке. Её чёрная кожаная куртка плохо спасала от ветра, который в этот день был не особенно добр к людям. Незнакомка прятала лицо в шарф, ёжилась от холода.

Почему Филипп это сделал, он не знал. Просто схватил чашку кофе, которую только что поставил перед ним официант, и, схватив куртку, шагнул на улицу. Подошёл к ней, молча протянул чашку. Девушка не удивилась, словно это в порядке вещей, словно не впервые незнакомый парень приносит ей горячий напиток в холодный день. Прямо на улицу, на автобусную остановку, под удивлённые взгляды стоявших рядом людей. И он не удивился, что её лицо оказалось прекрасным, что глаза под длинными ресницами синие-синие...

– А я люблю латте, – сделав глоток, наконец, произнесла она и вернула ему чашку. – Инга, – добавила просто.

– Инга, – эхом повторил Филипп, – редкое имя, звучит, словно крик чайки перед бурей.

«Красиво сказал, – подумал он, гордясь собой. – С этой банальной фразы лучше забыть. Не прокатят...»

– Филипп, – добавил быстро и тоже глотнул кофе, было так приятно пить с ней из одной чашки.

– Никогда не верьте крикам чаек, Фил...

Так он стал Филом. Так началась новая эра в его жизни под названием Инга.

– Сказал, что у тебя красивая грудь? Так и сказал? – Светка загнулась от смеха. – А ты что?

– Ответила, не выбирая выражений, – мрачно произнесла Вера, обиженно тряхнув головой и откидывая назад непослушные волосы. – Кто-то же должен поставить наглеца на место!

Ух, как она зла! Такие вольности в общении Вера терпеть не станет. Вчера, когда она объясняла этому новенькому особенности работы их отеля – а они иногда шли вразрез с общими правилами – парень нахально разглядывал её. Казалось, пристальный взгляд Филиппа, словно лазер, проникал под одежду, добирался до нижнего белья, смущал и нервировал.

– Фил, – строго произнесла Вера с отчётливой ноткой иронии в голосе; а как, если не с иронией, относиться к такому нелепому имени?! – Давайте сосредоточимся на работе. Вы, что, девушек давно не видели?

– Таких красивых никогда не видел.

Вера оставила без комментария этот сомнительный комплимент. Сейчас она быстро, не вдаваясь в подробности, расскажет о системе управления гостиницей, и на этом их общение завершится. Всё, учёбе конец, и очень вовремя – напряжение уже витало в воздухе.

– И последнее. Автоматизированная система управления «Контур. Отель», которую мы используем в работе, – скучным голосом начала она, – предназначена для автоматизации...

– Не трудитесь, уважаемая Вера Антоновна, я хорошо знаю эту программу.

Конечно, он знал. Уже все в курсе, что Раевский проработал пару лет в гостиницах сети «Best Hotels», принадлежавших его отцу, да ещё стажировался в отелях Европы. Он любому из сотрудников фору даст и сам кого хочешь всему научит...

– Даже так? В таком случае, мы закончили. Да, на этом всё, – подтвердила Вера и ослепительно улыбнулась, пусть видит, что она не скрывает своей радости от

того, что их вынужденное общение закончилось. – Желаю трудовых успехов.

– Спасибо, – Филипп обошёл её, уже сделавшую шаг вперёд, заглянул в лицо. – Благодарный ученик хотел бы пригласить своего учителя на ужин. Должны же мы отметить окончание учёбы?

– Конечно, должны, – помолчав, она смерила его взглядом. – Обязательно отметьте это событие со своей женой.

Довольная своей последней фразой, Вера направилась в комнату персонала. Она шла по широкому, ярко освещённому коридору, оформленному в классическом стиле, который так нравился Вере. Здесь во всём прослеживался стиль дорогих гостиниц – в обшивке стен деревянными панелями, в правильно подобранных изящных светильниках и дорогих картинах в золочёных рамах на стенах. Шаги заглушала неизменная красная дорожка с золотистым орнаментом по краям.

В комнате персонала был только Семён, резво вскочивший с дивана при Верином появлении.

– Ты закончила с этим? – в ледяном голосе лёгкое презрение.

Вера кивнула, сразу поняв, о ком это он, и протянула руку к банке с кофе.

– Слушай, Вер, только между нами, – горячо зашептал Семён, наклонившись к её уху. – Надо этого новенького на место поставить. Думаю, работник он так себе, раз его родной отец из своего бизнеса выгнал. Просто так не выгоняют, как ты считаешь?

– Может быть, пока непонятно, – уклончиво ответила Вера, направляясь к кофемашине.

– А мне уже понятно, что он из себя представляет. Садись, я сделаю тебе кофе, знаю, как ты любишь, без сахара, – засуетился Семён. – Ты бы Камалову сказала, что этот Раевский не очень-то в нашей работе разбирается. Нахватался по верхам в заграничных отелях. Намекни, что этот товарищ элементарных вещей не знает. Ему ещё расти и расти, набираться опыта...

– Сём, да не буду я ничего лишнего говорить, – она взяла протянутую чашку, вдохнула любимый аромат божественного напитка, миготом исцелявшего от дурного настроения, закрыла глаза. Дайте ей для счастья ещё пять минут покоя и тишины...

– Чужак он, Вер, ещё начнёт свои порядки тут устанавливать, – присев рядом, парень продолжал гнуть свою линию. – А может, засланный казачок, развалит конкурентов изнутри.

– Да у тебя паранойя, – ей пришлось открыть глаза и смерить Семёна взглядом.

– Просто скажи, что не потянет он главного, – не отставал Семён. – Что тебе стоит? Очень прошу, а, Вер?

– Я не пойду на подлость только потому, что под тобой кресло зашаталось. И давай закончим этот разговор, – произнесла громко и чётко, добавив стальных ноток в голос; может, хоть это заставит парня замолчать.

– Вот так, значит? – Семён вскочил, на его несимпатичном лице гневно заиграли желваки. Он направился к двери, но остановился, развернувшись к Вере. – Смотри, дорогая, как бы не пришлось пожалеть.

– Что? Это угроза?! Да ты просто смешон.

– Мы ещё посмотрим, кто будет смеяться последним, – Семен вышел, громко хлопнув дверью.

Расстроенная, Вера приложила руки к пылавшим щекам. Холодный гнев, поднявшийся внутри, ещё не погас, рвался наружу, будоражил кровь. Она подтянула к себе лежавшую рядом сумку, начала собираться домой. Пройдётся пешком, прогуляется немного, в надежде, что свежий воздух вернёт ей хорошее настроение. Впервые за всё время работы у неё возникла с коллегой некрасивая, нелепая ссора. Какой бы ни был этот Раевский, она не будет зря наговаривать на человека. А то, что предлагал ей Мальков, так низко... Ну, Семён, подлая душонка! А сразу и не разглядишь.

* * *

Звон разбитого вдребезги стекла и пронзительный скрежет металла, словно рухнул на землю поражённый страшным оружием железный гигантский монстр, разорвали тишину летнего вечера. Вздогнув всем телом, Вера обернулась, инстинктивно подняв вверх руку, словно пыталась защититься от диких, резанувших по ушам звуков. Краем глаза она успела увидеть, как закрутилась на месте, а потом резко вывернула влево большая тёмная машина и помчалась вперёд, чудом разминувшись с шедшим навстречу автобусом. Другой автомобиль, больше похожий на груды искорёженного металла, будто зловещий памятник произошедшей трагедии, застыл на обочине. Всё произошло очень быстро, страшная авария промелькнула перед её глазами, словно кадры из фильма, снятого талантливым оператором.

Прошла пара секунд, и Вера, оправившись от шока, бросилась к машине. Водительская дверь, продавленная внутрь, странным образом изогнула тело находившейся за рулём женщины. Её голова была опущена вниз, и светлые волосы, разметавшись, покрывали белыми змейками плечи и руки, ещё державшие руль. Жива?! Без сознания? Было страшно дотронуться до этого плеча, обтянутого тонким свитером. Она не герой, нет. Просто прохожий... Вера отшатнулась, беспомощно оглянувшись вокруг, обвела взглядом ровные ряды посаженных вдоль дороги берёз и серые многоэтажки за ними. Там жизнь, там люди... Кто-нибудь, помогите! Кто-нибудь...

Но Минская, и днём не самая оживленная улица Казани, в этот поздний час была пустынна. На узком тротуаре никого, и только с шумом, на приличной скорости проносились мимо редкие автомобили, водители которых или не видели, или не хотели видеть, что произошло.

«Успокойся! Соберись! – велела себе Вера. – И звони, звони, в конце-то концов!»

Непослушной рукой нащупала телефон в сумке, висевшей через плечо, набрала сто три и чётко ответила на все вопросы взявшей трубку женщины.

– В службу спасения мы сообщим. Ждите...

Телефон замолчал. Какое-то время Вера стояла рядом, не решаясь заглянуть внутрь покорёженной кабины. Но стон, тихий и протяжный, который уловил её обострённый слух, заставил сделать шаг вперёд.

Жива! Господи, какое счастье!

– Вы как?! Может, попробуем выбраться отсюда?

В голове вертелось, что пострадавшие в аварии автомобили иногда взрываются. Бывает такое, и нередко... Но и трогать женщину нельзя, какие у неё травмы, неизвестно, только врач может оценить ситуацию. Вера прислушалась: звука сирены не было слышно. Да что ж такое?! Где эта чёртова машина с жёлтой мигалкой и люди в белых халатах? Где эти спасатели, в конце-то концов!

Женщина подняла голову, что далось ей с большим трудом, шевельнула губами. Во взгляде мольба. Хочет что-то сказать?!

– Ни-к... – наконец еле слышно произнесла она.

Что это? Имя или просто бред раненого человека, Вера не знала, но была рада этому слову. Может говорить, может... Значит, будет жить! Непривычное чувство сострадания к незнакомой женщине, попавшей в большую беду, разлилось внутри, вытеснив другое, отчётливое и большое. Это была ненависть к тому мерзавцу, который сделал своё чёрное дело и трусливо умчался, не попытавшись помочь пострадавшей. Да что ж за день такой незадачливый, две встречи с двумя подлецами, не слишком ли много на сегодня? Сначала Семён, теперь вот сбежавший с места аварии шоферюга-преступник. За что ей это?!

Рядом остановилась машина такси, чёрные чашечки на дверце были отчётливо видны. Мужчина с заднего сиденья, приспустив стекло, крикнул:

– Что случилось?

А сам не понял, что ли?

– Все живы? – снова крикнул мужчина.

Жива ли пассажирка, теперь уж не понять. Вера нажала хромированную дверную ручку, чудом не пострадавшую от удара, попыталась открыть дверцу. Нет, внизу заклинило крепко. Оглянулась – помогите же, хватит лишних вопросов... Но автомобиль с шашечками уже тронулся с места, быстро набирая

скорость. Она попробовала открыть дверь ещё раз, взявшись за ручку двумя руками и вложив всю силу в это простое и привычное движение. Ну же, ну... Дверь не поддавалась.

Синие глаза женщины, задержав на ней взгляд, затуманенный болью, медленно закрылись. Голова откинулась вниз, и она потеряла сознание.

* * *

Телефон звонил, не переставая, пока какой-то человек, выскочивший из подъехавшей полицейской машины, записывал Верины контакты. Её вызовет следователь, она может помочь найти виновника аварии... Он ещё что-то говорил, но Вера уже не вслушивалась, после пережитого стресса она едва держалась на ногах.

– Давайте я отвезу вас домой, – взглянув на неё, мужчина открыл дверцу автомобиля, помог сесть. – И возьмите, наконец, телефон.

Конечно, это звонила мама, беспокоилась, куда запропастилась её дочь. Вера ответила, что будет дома минут через пятнадцать, скоро, совсем скоро. Вера смотрела на дорогу, где вокруг места аварии ещё происходили какие-то действия и замеры, а гибддешник, подходя к смятой машине с разных углов, щёлкал фотоаппаратом. Женщину, которую сотрудники МЧС извлекли из растерзанного автомобиля, уже увезла скорая; она так и не пришла в сознание.

Как хорошо, что на свете есть мама! Сразу у порога Вера обняла её, начала рассказывать об аварии, свидетельницей которой её дочь умудрилась стать. Сразу стало легче на душе, словно переложила свои страхи на мамины плечи, словно, как в детстве, нашла защиту от всех бед в объятиях этого самого родного человека.

Мама говорила что-то успокоительное, попутно доставая тапочки и помогая переобуться. Потом повела в ванную мыть руки и на кухню. Вера села в уголке, на своём месте у холодильника, напротив отцовского стула, которое так никто из них и не позволил себе занять.

– Мам, ты что делаешь? – она с удивлением взглянула на бутылку коньяка, которая вдруг оказалась на столе.

– Привожу тебя в чувство, – Татьяна Сергеевна поставила на стол рюмки, достала лимон, плеснула коньяк на самое донышко, протянула дочери. – Давай!

И правда, волшебная янтарная жидкость, теплом разлившись внутри, расслабила и успокоила, отодвинув куда-то в глубину сознания мысли о происшествии. Закрыв глаза, девушка крутила ножку рюмки тонкими пальцами, а мама уже подвигала тарелку горячего супа, после которой Вера могла думать только о постели и долгом сне до самого утра. Засыпая, она поблагодарила небо, что завтра выходной, и это такое счастье, такое счастье...

Вера проснулась поздно. Лежала, глядя в потолок, на красивую люстру с зеркальными вставками, позволяя телу пробудиться, ощутить мир вокруг, набраться сил для нового дня. Но вчерашние события уже всплыли в памяти, сменяя друг друга, мелькали пугающими картинками, словно кадры военной кинохроники. И почему она лежит? Вздохнув, вскочила с постели, надо узнать, как чувствует себя та женщина? Вера раздвинула шторы, пусть станет светлее, пусть дневной свет разгонит её дурные предчувствия. А они появились, как ни гони. Надо позвонить в больницу и справиться о пострадавшей, а ещё лучше навестить. Да, навестить, и прямо сейчас, а то Вера изведётся от беспокойства. И синие глаза женщины, полные боли, будут целый день тревожить её, не дадут покоя.

На телефоне, который остался в сумке, брошенной в прихожей, три пропущенных вызова от Светланы. Подруги собирались провести выходной в аквапарке «Ривьера», в такую жару на его искусственном пляже полгорода искало прохлады. Но нет, пока она пас.

– Свет, никак не могу сегодня. Есть причина, – перезвонила она подруге. – Потом расскажу, всё потом, ладно? Если начну рассказывать, то это надолго.

– Заинтриговала... Наверное, это связано с Филиппом? – не могла уговорить Светлана.

– Вечером позвоню, – сухо ответила Вера и нажала кнопку отбоя.

Дался Светке этот Филипп! Он для Веры никто! Она и не вспоминала о нём, о своём «ученике», который, впрочем, судя по его толковым замечаниям, даст

фору своему учителю во многом, что касается гостиничного бизнеса.

Глотнув ещё горячий кофе, который оставила ей мама, уходя на работу, Вера вышла на улицу. Она направилась напрямик в городскую клиническую больницу, куда чаще всего привозят пострадавших в ДТП. Да и находится больница ближе всего к месту аварии.

Серое здание больницы на фоне голубого неба казалось мрачным и неприветливым, может, потому, что там жила человеческая боль. Радовала глаз лишь пристройка главного входа с оранжево-белыми колоннами, куда и направилась Вера. Отстояв в справочной небольшую очередь, она спросила, как самочувствие женщины, которую привезли вчера вечером с места аварии.

– Фамилия? – строго спросила женщина в белом халате, подняв на неё усталые глаза.

– Фамилия пострадавшей? Я не знаю.

– Не знаете? Вы ей вообще кто? Сведения о пациенте сообщаем только близким родственникам.

Давая понять, что разговор окончен, женщина перевела глаза на следующего посетителя, который сразу и без излишней деликатности оттеснил Веру в сторону.

«Не самое удачное начало выходного дня, – думала она, под палящими лучами солнца возвращаясь к станции метро. – Может, всё-таки аквапарк?» Но тут зазвонил телефон, зашёлся резкой трелью, а не привычной композицией Стинга. Значит, незнакомый номер, а Вера так не любила звонки с незнакомых номеров. От них одни неприятности. В каком-то смысле так и случилось. Звонил следователь, занимавшийся расследованием аварии, свидетельницей которой она умудрилась стать.

– Вера Антоновна, хотелось бы встретиться, – его звонкий голос был полон нетерпения. – Сегодня или завтра сможете подойти?

– Давайте сегодня, – она не раздумывала ни минуты. Надо как можно быстрее закончить с этим.– Диктуйте адрес.

Вера согласилась встретиться, не откладывая, чтоб узнать у следователя о состоянии пострадавшей. Наверное, этот представитель закона в курсе, как чувствует себя женщина, делом которой он занимается.

В красном кирпичном здании, где располагалось отделение полиции, она была уже через полчаса. А представителем закона оказался совсем молодой человек с какой-то несерьёзной внешностью: гладкое лицо с румянцем во всю щёку, чёлка-хохолок над чистым лбом.

– Присаживайтесь! – открыв папку, он подглядел её имя. – Присаживайтесь, Вера Антоновна. Я следователь Матвеев.

– Простите, – перебила его Вера, – а как дела у пострадавшей?

– Без изменений. Черемис Марина Сергеевна так и не пришла в себя. Увы, – он придвинул к себе чистый лист бумаги. – Расскажите подробно про аварию. Что вы видели?

– Почти ничего, – Вера задумалась, пытаясь в памяти восстановить картину. – Мелькнула перед глазами и быстро умчалась большая чёрная машина...

– Какой марки, можете сказать? Цвет точно чёрный? Кто был за рулём, не видели? Других свидетелей не было?

Он забросал её вопросами, на которые у неё не было ответов. Ни ответов, ни предположений, ей нечем было порадовать молодого человека, смотревшего на неё с надеждой.

– Ладно, можете идти. Вы нам очень помогли, – добавил следователь автоматически, закрывая папку.

Помогла? Да чем хоть? Или он всем так говорит? Слова-штампы, как много их в нашей жизни. Тысячи ненужных, беспомощных, равнодушных слов...

Вера вышла на пыльную, залитую солнцем улицу, сжатую в тиски двумя рядами двухэтажных, плотно стоявших друг к другу домов. Спасаясь от жары, она быстрым шагом направилась к метро, не заметив, как человек, сидевший в припаркованной рядом машине с пыльными стёклами, проводил её внимательным взглядом.

* * *

Утро началось, как обычно. Просматривая электронную почту, Вера вздрогнула от неожиданности, когда Семён подошёл к ней сзади неслышными шагами убийцы, который подкрадывался к своей жертве. Разве можно так пугать!

– Прости, – он положил на стойку красную розу, придвинул ближе к ней. Другая рука жестом извинения и симпатии коснулась Вериного предплечья. – Прости, Вер, не знаю, что на меня позавчера нашло.

– Да уж...

Вера не знала, что сказать. Цветок, его глаза, полные вины и раскаяния... Но мириться не хотелось, и она уткнулась в компьютер, просматривая заказы на бронирование номеров.

– Вспылил, наговорил лишнего... – Семён заглянул ей в лицо, пытаясь поймать взгляд. – Но пойми, я столько сил положил, чтоб добиться этого места. Согласись, я неплохой администратор, в конце-то концов... Простишь, а?

Он сложил руки ладонями внутрь, прижал к подбородку. Кроткий, кающийся грешник Семён Мальков...

– Ладно. Но попил ты кровушки моей...

Сказала, чтоб отстал и исчез. Но парень топтался рядом, не уходил.

– Вер, простила? Я знал, ты золото у нас! Сколько уж мы с тобой вместе? Больше года, да? И отлично ладим. – Он смахнул несуществующую пылинку с её плеча и продолжал вкрадчивым голосом. – Если я администратором останусь, тебя, Вер, всегда и во всём поддержу. Если останусь, понимаешь? Тут от тебя многое

зависит...

Что?! Она не ослышалась?! Снова та же песня?!

– Рашид Тимурович тебя уважает, – торопливо зашептал Семён в самое ухо. – Всего-то надо сказать – «думаю, парень не справится». А я умею быть благодарным...

– Ещё одно слово..., и я расскажу обо всём Камалову. Пошёл вон! – не поворачивая головы, отчетливо произнесла Вера.

Она сжала в кулак руку, которая так и тянулась отвесить этому гаду звонкую пощёчину. Пусть знает, что зло наказуемо! От негодования Веру трясло, как в ознобе. Ух, как она зла! Мелкий, жалкий человек, и когда он успел стать таким?! Спиной почувствовала, что Семён уходит. И правильно, а то он рискует услышать много «хорошего» и неожиданного в свой адрес.

К середине дня Вера уже была как выжатый лимон. В обеденный перерыв ещё взялась рассказывать Светке про аварию. Итог – недоеденная котлета, нетронутый десерт и смурное настроение. Сказав «забудь», Светка протянула руку к её творожному чизкейку, который так удавался Аслану, шеф-повару гостиничного ресторана. Не слишком много на свете вещей, способных испортить аппетит её подруги.

А Вера забудет про неприятное событие, если сегодня, позвонив в больницу, узнает, что женщине с синими глазами стало лучше. Желательно, намного лучше. Но чуда не случилось.

– Состояние тяжёлое, – ответили ей, когда, в попытках дозвониться, Вера в десятый раз набрала выученный наизусть номер. – Врач хотел бы видеть родственников пациентки. Вы родственница?

– Нет.

– Если сможете связаться с родственниками, передайте, чтоб зашли.

Как так, почему? О больной сейчас некому позаботиться? Но она не успела ничего сказать, в телефоне зазвучали короткие гудки. Неприятное известие. До конца рабочего дня эта мысль не давала Вере покоя. Ведь болезнь не так страшна, когда у человека есть близкий человек, который сидит рядом у постели больного. И просто держит за руку, и просто молчит. А рядом на тумбочке лежат оранжевые апельсины, которые он принёс, и, глядя на них, хочется жить и выздоравливать. Но если нет такого человека, то плохи дела...

Закончив смену, конца и края которой не было, Вера вышла на улицу. Злая жара, мучившая город уже несколько дней, спала, и это был маленький повод для радости. Откуда-то приползли тучи, и ветер в преддверии грозы уже готовился разорвать их в клочья. Хорошо... Человеку, в сущности, не так много надо. Немного прохлады, немного любви...

Перед входом в гостиницу прогуливался мужчина. Ничего особенного, народу здесь немало бывает, и совершенно не понятно, что заставило Веру взглянуть на него внимательней. Что-то знакомое было в его облике. Бывший гость отеля? Или случайно мелькнувший в сутолоке метро человек, который почему-то остался в памяти? Вполне может быть. И всё же, где она видела это ничем не примечательное лицо?

Мужчина, заметив её взгляд, отвернулся и направился к ожидавшей его машине. Вера скользнула взглядом по автомобильному номеру. Двести семь. Какое совпадение, она сегодня заселила в двести седьмой номер пожилую пару москвичей, приехавших прогуляться по улицам и паркам столицы.

Впрочем, надо бежать. Вера прибавила шаг. Домой, быстрее домой, пока не начали сотрясать небо раскаты грома, пока спасительный дождь не обрушился на потрескавшуюся от зноя землю.

Вера уже подходила к метро, когда яркая, торжествующая молния располосовала небо, и по асфальту запрыгали, словно танцуя, серебряные дождевики. Где-то рядом от страха громко заплакал ребёнок, и она тоже испугалась, захотелось сжаться и замереть, втянув голову в плечи. Именно в этот момент, словно память озарила огненная вспышка, Вера вспомнила, где она видела мужчину, топтавшегося у входа в отель. И это было не самое приятное воспоминание. Да, это он, ошибки быть не может!

А дождь уже разошёлся вовсю, хлестал яростно и сердито, прогоняя с улиц зазевавшихся прохожих. Присоединившись к ним, она накрыла голову сумкой и, не жалея новых, уже успевших промокнуть босоножек, помчалась к станции метро.

Глава 4

Сквозь дождевые потоки, которые заливали лобовое стекло, Филипп увидел Веру, на всех парах мчавшуюся к метро. Какая жалость! Уткнувшись в телефон, он не заметил, когда девушка вышла из гостиницы. А хотел предложить подвезти, чтобы познакомиться поближе и разрушить стену неприязни, которая возникла у девчонки по отношению к нему. На голом месте, ни с того ни с сего. Это задело обласканного женским вниманием Филиппа, занозой торчало в мозгу. Такие мелочи портили жизнь, и Филипп обычно с лёгкостью расправлялся с ними.

К тому же эта холодная и неприступная Вера нравилась ему, а завоевание симпатии женщины – одна из любимых игр Фила. И он сыграет с ней, с этой Снежной королевой! Она обороняется, ты наступаешь, придумываешь единственно правильные ходы, в итоге добиваясь заслуженной победы. Кто-то скажет, женщина не награда, чтоб её завоёвывать, кто-то поддакнет, что незачем ломиться в закрытую дверь, особенно, если на ней висит амбарный замок. Стоит просто найти другую дверь, которая откроется легко и просто. Может, и так, но для Филиппа всё это отговорки слабаков.

Гром грянул совсем рядом, заставив вздрогнуть, прервал его мысли. Надо ехать, пока рухнувший на землю ливень не затопил дороги, превратив их в грязные реки, которые так не к лицу любимому городу. Он включил зажигание, и машина, рассекая мутные лужи, медленно двинулась вперёд.

Станным образом мысли снова вернулись к Вере. Через полчаса, а может, меньше, она выскочит из метро под яростный ливень без зонта, в промокнутом платье, которое, наверное, прилипло к телу, как вторая кожа. А он, недоступный для непогоды, сидит в своём красивом Форде и ничего не делает! Нехорошо. Но если б Фил знал, до какой станции она ехала, то уже гнал бы туда свою машину, встретил бы эту забывшую зонтик девчонку. Надо что-то решать и быстро!

Нашарив телефон, закреплённый на панели, он прокрутил список контактов. Вот она, нашлась, Верина шустрая подруга. Это маленькое везенье, что все сотрудники отеля обязаны обмениваться телефонами. Только бы Светлана взяла трубку.

– Света, это Филипп, мне нужно встретиться с Верой Шагиной. Возникли вопросы, – он говорил по-деловому и быстро, чтоб у собеседницы не было времени для раздумий. – Она уже зашла в метро, не успел остановить... До какой станции Вера едет?

– Что, и до завтра не терпит?

– Говорю же, это срочно!

– Признались бы лучше, что хотите её встретить,

– Но вряд ли успею, если мы с вами поговорим ещё минут пять, – он в раздражении потёр переносицу.

Филипп сердился, как всегда, когда не получалось сделать так, как он хотел. А эта Верина подруга – крепкий орешек, умела гнуть свою линию.

– Аметьево, – неожиданно произнесла Светлана, пока Фил думал, каким же способом добиться от неё ответа.

– Спасибо!

Теперь он успеет. Филипп до отказа нажал на педаль газа, и автомобиль послушно бросился вперёд. За лобовым стеклом хозяйничала, бушевала стихия, могущественная и прекрасная, рассерженно бросая в окна машины капли-градинки, пригибая к земле ряды деревьев вдоль дороги.

Вера вышла из дверей метро вместе с другими пассажирами, когда ливень стал стихать, словно невидимая стена вдруг разом скрыла непогоду, чтоб порадовать промокших насквозь людей. Он выскочил из машины, где послушно ждал, и за руку вытащил её из людского потока. Не давая опомниться, потянул к автомобилю. Вера не сопротивлялась, наверное, понимала, что это было бы

слишком глупо.

– Заболеть хотите? – Филипп усадил девушку на переднее сиденье, осторожно захлопнул дверь.

– Вам, что, заботиться больше не о ком?

Это были первые слова, которые она произнесла, когда Филипп сел рядом и завёл двигатель.

– Красивая девушка под дождём мчится к метро. Я не мог перенести этой картины, не изверг же я, в конце концов. Называйте адрес, довезу до подъезда.

Вздохнув, она назвала улицу и номер дома, который оказался непростительно близко. Потом достала из сумки бумажные салфетки и, отвернувшись к окну, промокнула лицо, шею и оголённый участок груди. Это было так просто, так естественно, и в то же время так сексуально, что он заёрзал в кресле и крепче сжал руль, успокаивая разбушевавшиеся в крови гормоны.

– Скажите, Вера, а в чём причина вашей неприязни ко мне? Скажите, и я исправлюсь.

Филипп хотел добавить, не является ли она мужененавистницей, но, к счастью, вовремя прикусил язык. Это было б слишком грубо.

– Вы затащили меня сюда, чтобы выяснять отношения? Которых нет? – отозвалась девушка.

– Отвечать вопросом на вопрос невежливо, дорогая Вера. И все-таки? Вы дали мне неплохую характеристику, разговаривая с Камаловым, назвали толковым специалистом. Значит, дело не в работе?

– Остановитесь у следующего дома...

Он не стал спорить, снизил скорость и остановился так плавно, что восхитил бы любого, кто в этом соображал. Но только не Веру. Буркнув «спасибо», она вышла из автомобиля. Что ж, ладно, это не последний их разговор... Филипп уже

тронулся с места, но по какой-то счастливой случайности решил проследить за девушкой взглядом. Сейчас она зайдёт в свой двор через арку и...

Быстрыми шагами, беспрестанно оглядываясь, за ней шёл какой-то парень в спортивном костюме, и всё говорило о том, что его намерения не самые дружественные. Недолго думая, Фил нажал на тормоз и выскочил из машины, в несколько длинных шагов оказавшись рядом с ними. И вовремя, парень крепко сжал Верино плечо и замахнулся кулаком, целясь в голову. Секунда – и страшный удар обрушился бы на неё, повредив лицо, но Филипп успел одной рукой перехватить запястье нападавшего, а другой врезал ему в живот хорошо отработанным в спортзалах ударом. Парень отлетел на пару метров, но быстро вскочил и, закрывая лицо локтем, ещё шатаясь, попятился назад. В гневе Филипп шагнул к нему снова, но тот умчался с неожиданной прытью. На поле боя остались только большие, в пол-лица, солнцезащитные очки.

– Ты как, Вер? Испугалась? Всё, я рядом, ничего не бойся.

Заметив, что она едва не падала, успел поддержать, прижать к себе. Сдерживая рвавшиеся из груди рыдания, девушка прошептала:

– Квартира пятнадцать...

Он понял и, не обходя тёплых луж, повёл девушку через двор к первому подъезду. Она ещё дрожала, и мелкие капли дождя, стекая, смешивались со слезами на её печальном лице. Где-то вдали, как отбой, как завершение неприятного события, еле слышно прозвучал прощальный удар грома.

* * *

Домофон щёлкнул, пропуская их в подъезд. Филёнчатая дверь пятнадцатой квартиры была приоткрыта, здесь их уже ждали.

– Вера, заходи, я на кухне, – откуда-то издалека раздался женский голос. – Разделяюсь с котлетами.

– Мам... – слабым голосом позвала Вера, и у Филиппа защемило сердце. Он осторожно снял с плеча её сумку, повесил на крючок и стоял рядом, не зная, что

ещё предпринять.

– Дочь, ты не одна? – женщина в фартуке с оборками выглянула в прихожую. – Господи, Вера, ты попала под дождь? Промокла как! – Вглядевшись в её лицо, воскликнула: – Да что случилось-то?

– Какой-то придурок напугал её у подъезда.

Филипп решил объяснить сам, деликатно подобрав нужные слова, потому что Вера молчала, глотая слёзы, которые из всех сил рвались в этот мир.

– Идём! Всё потом, потом, – женщина обняла её плечи, повела вглубь квартиры по маленькому узкому коридору.

Он остался один. Взглянув в висевшее на стене зеркало на своё растерянное лицо, Филипп решил действовать. А, была-не была! Сбросил туфли и отправился на кухню. Там в самом разгаре шло приготовление ужина. Котлеты, жарившиеся на сковородке и издававшие аппетитный запах, рисковали превратиться в угли. Схватив прихватку, он снял с огня сковородку, потом, осмелев, сполоснул руки и закончил резать огурец для салата, сиротливо лежавший на разделочной доске. Мама Веры застала его резавшим приготовленную для салата зелень.

– Филипп, коллега вашей дочери, – он отложил нож в сторону. – Решил помочь, надеясь, что это не слишком нагло.

– Да всё нормально, – женщина с интересом взглянула на результаты его труда. – А я Татьяна Сергеевна.

Она попросила рассказать подробнее, что произошло у подъезда. Фил начал говорить, снова выбирая нестрашные слова. Незачем добавлять стресса этой и без того расстроенной женщине.

– Вот, собственно, и всё, – закончил Филипп свой короткий рассказ.

– Случайное нападение какого-то психа?

– Похоже, так и есть. Вряд ли Вера кому-то перешла дорогу, и это нападение предназначалось конкретно ей.

– Спасибо вам, Филипп, что оказались рядом... Это просто счастье какое-то...

Она благодарно взглянула на него и быстрыми движениями начала расставлять на столе посуду, достала хлебницу, графин с соком. Фил знал – простые и привычные действия так хорошо успокаивают...

На кухню вошла Вера в голубом махровом халате, и от её домашнего вида на маленькой кухне сразу стало уютнее. Девушка слабо улыбнулась Филу и села у окна.

– Ну, что, давайте спокойно поедим, – Татьяна Сергеевна выделила слово «спокойно», как бы накладывая табу на разговоры о происшествии. – Филипп, присаживайтесь. Представляешь, Вер, он спас мои котлеты, – раскладывая по тарелкам картофельное пюре, говорила Татьяна Сергеевна. – И салат – его рук дело. У тебя хороший друг.

Ужинали не спеша, перебрасывались взглядами и словами, хвалили котлеты и салат.

– Не буду злоупотреблять вашим гостеприимством, – быстро расправившись со своей порцией, Фил встал. – Спасибо за ужин.

– Как, а чай? Или кофе? У меня эклеры в холодильнике...

Кажется, Татьяна Сергеевна не хотела его отпускать. Фил надеялся, что это так и было, и он не слишком самоуверен в своём предположении.

– Мам, я провожу.

Вера встала и направилась к двери. Раскланявшись с Татьяной Сергеевной, Фил шагнул за ней. В тесном коридоре они стояли рядом, так близко, что Филипп чувствовал цветочный запах шампуня от её непросохших волос. Захотелось поцеловать, забрать в кольцо рук и не отпускать эту милую девочку.

– В последний раз на меня нападали в третьем классе, – вдруг рассмеялась Вера. – Одноклассник Лёшка сделал это от большой любви.

– А сейчас? Случайность, или что-то за этим стоит?

– Не случайность. Это предостережение. Хотели хорошенько напугать. Я не стала рассказывать маме... – Вера понизила голос. – Подбегая, тот тип, замахнувшись, выкрикнул «забудь об аварии».

– О какой аварии?

– Долгая история. Если в двух словах, то на днях я стала свидетельницей аварии. Пострадала женщина, которая была за рулём одной из машин. Я была там одна, на этой пустынной дороге... Немного погодя подъехала машина, такси, пассажир через окно спросил, как тут дела. Потом уехал. А недавно я увидела этого мужчину, узнала. Он не случайно ходит за мной, – девушка вздохнула и подняла на него зелёные глаза. – Именно этот тип аварию устроил, точно он. И вот сегодня было от него послание, понимаешь? Думаю, парня этого он подослал, – привычным жестом Вера отбросила назад волосы. – Завтра в полицию пойду...

– Я с тобой, – заволновался Филипп. – Мать честная! Теперь буду за тобой присматривать. Давай так – я утром заеду. И без меня ни ногой, ладно? Всё, ушёл, отдыхай, любительница попадать в истории!

Он быстро поцеловал её в щёку и вышел, не дожидаясь Вериной реакции на эту маленькую наглость. Но раз уж они незаметно перешли на ты, то поцелуй при прощании вполне уместен. И никто и никогда не разубедит Филиппа в обратном.

Есть люди, которые делают нас лучше. Это теория его матери. Этой теории можно верить или не верить, но, кажется, тут есть рациональное зерно. Поздно вечером, спускаясь по лестнице дома, где жили Шагины, он чувствовал, что так и случилось. Хотелось защищать слабых, делать добро и исправлять собственные ошибки. Кстати, об ошибках. Пришло время помириться с отцом. Никто не идеален, и не такое уж он чудовище, его отец. Столько лет растил его, вкладывая силы и средства в его воспитание... Да, не стоит откладывать. Завтра вечером Филипп заедет к нему, они поговорят, мирно и не спеша, разопьют бутылку вина и простят друг друга.

И может быть, расставаясь, им захочется обнять друг друга. Очень может быть...

* * *

Езда успокаивала. По просохшей дороге, словно вчерашний ливень Филу приснился, мягко шуршали шины Мишлен, тихим басом урчал мощный мотор. Кабина хорошего автомобиля – вот место, где мир всегда будет в порядке.

Он ехал к родителям. После суетного дня Филипп надеялся на хороший ужин, которым угостит его мама, обрадованная появлением сына, и на балконные посиделки с отцом, которые поставят точку в их разногласиях.

Не поладили на работе, бывает, но это не причина для разрыва с близким человеком. Больше года Филипп проработал управляющим в гостинице, принадлежавшей отцу, и не было ни дня, чтоб Раевский-старший был им доволен. А то, что он учился гостиничному бизнесу в Швейцарии, на признанной всем миром родине профессионального образования в этой сфере, что-то да значит? Но отцу плевать на его престижный диплом, за который отвалена куча денег, все нововведения сына консервативный папаша встречал в штыки. В итоге после очередного скандала Фил написал заявление об уходе и бросил его на стол, прихлопнув ладонью. Он больше не намерен терпеть бесконечные придирки!

С его крутым дипломом найти работу будет легко. Так и случилось, Камалов, не раздумывая, взял Филиппа к себе. Он именно сюда и хотел попасть, выбрав «Гранд Сити-отель» за его высокий рейтинг и адекватного управляющего. А ещё девушка на ресепшен так мило улыбалась ему...

Вера... Он только что отвёз её домой и выслушал очередную порцию благодарностей за утренний совместный поход в полицию. Жаль, что на юного дознавателя рассказ Веры о нападении не произвёл никакого впечатления. А её предположения о виновнике аварии он назвал бездоказательными. «Но буду иметь в виду», – добавил парень, увидев недоумение на её лице.

Повернув под светофором влево, мимо сквера с умытыми, но слегка потрёпанными дождём клумбами, он подъехал к дому. Здесь у родителей большая, не так давно купленная квартира, отделанная по вкусу хозяина. Да, хозяина, отец во всём главный в их семье. Фил внутренне ахнул, впервые зайдя

в отцовский кабинет, оформленный в стиле барокко, пышном и величественном. Ничего себе расклад! Потолок и стены вверху с лепниной, с ракушками-завитушками оформлены в едином стиле, пышные шторы с шёлковыми кистями и ламбрекенами украшали высокие окна, множество картин и гравюр в золочёных рамах, богатые люстры и светильники дополняли общую картину. В центре огромный письменный стол с креслом, вдоль стены резные стулья, демонстрировавшие изящное совершенство линий и изгибов. Иранский шах мог бы позавидовать такому роскошному интерьеру.

Нашарив сиротливо валявшийся в бардачке ключ с брелоком-самолётиком, Филипп одним махом взлетел на второй этаж. Только сейчас он понял, как соскучился по матери, а ведь они всегда были настоящими друзьями. Беззвучно повернув в замке ключ, вошёл в прихожую, больше напоминавшую просторный холл и, осторожно ступая, направился к кабинету. Родители были там, он слышал их голоса. Кажется, говорили о нём, во всяком случае, явственно прозвучало его имя.

– Раньше, раньше надо было это сделать, – голос отца звучал на высоких нотах, он, как обычно, не особо церемонился со своей супругой. – Сейчас Фил взрослый мужчина, а не запутавшийся в жизни подросток, которому сильно нужен отец. Зачем тебе вдруг приспичило рассказывать ему правду?

Правду? Какую правду? Филипп замер, стоя у белой, с золотыми вензелями двери, которая не была прикрыта и позволяла хорошо слышать их разговор. Станный разговор уже не нравился ему, жди от него потрясений в отлаженной, хоть и далёкой от идеала жизни.

– Я всегда хотела это сделать. Ты запрещал мне, – раздался мамин голос, слабый и нежный.

Она спорила с мужем? Бесполезно. Не борец она, как хочет отец, так всё и будет. Впрочем, как всегда. Ничего не изменилось в этом доме...

– Да, запрещал, – раздражённо продолжал отец, – но это было в твоих же интересах, Эля! Забыла, из какой дрянной истории я тебя вытащил?

– А ты забыл, что сам предложил мне этот брак, зная, что я в положении? Сам дал неродному сыну свою фамилию.

Неродному? У Филиппа ёкнуло внутри и тут же гулко застучало сердце, словно пыталось вырваться из грудной клетки. Оно всегда так стучало, когда Фил находился на пороге больших неприятностей или когда сильный стресс испытывал его на прочность. И сильно заломило в висках, словно чья-то тяжёлая рука страшно, по-изуверски, сжимала их. Словно заторможенный, Филипп сделал шаг назад. Кажется, ему надо уйти и переварить услышанное: эти страшные слова матери, которые звучали фантастически неправдоподобно. Неродной сын... Он не ослышался, именно так и сказала его правильная, любящая мать.

Филипп вышел на лестницу, беззвучно запер дверь и быстро направился вниз, стремясь вырваться из круга собственных бессвязных мыслей, которые толкались в гудевшей голове и пытались выстроиться в логическом порядке. Наконец, определилась одна, здравая и чёткая мысль: а где тогда его родной отец? Очень своевременный вопрос... Фил стоял на улице под палящим, равнодушным солнцем, еле сдерживаясь, чтоб не закричать во весь голос. Пусть этот крик разнесётся вокруг так мощно, что вздрогнут шедшие рядом люди и в испуге повернутся к нему.

Кажется, Филиппу может помочь только хорошая порция виски. И даже не одна. Он остановился у ближайшего бара, оказавшимся шумным заведением, переполненным молодыми людьми, жаждавшими праздника, общения или просто хорошей тусовки. Музыка, обрывки чужих слов и восклицаний, звон посуды и выпивка... Самое то! Сегодня здесь ему самое место...

Уже через полчаса захмелевший Фил изливал душу подсевшей к нему даме в зелёном платье со смелым декольте. Судя по лихорадочно горевшим глазам, дама здесь давно, и алкоголь уже проник в её кровь, настроив на романтический лад.

– Ты разберись во всём, как следует, парень, – громко говорила она пьяным голосом, сочувственно поглаживая его руку и пытаясь перекрыть лившийся из динамиков мощный голос Рианны. – Разберись, не паникуй сразу! Может, не понял чего?!

– Чего не понять-то?! Я ж не глухой! Мать так и сказала – неродной.

– Ну, что ж теперь, утопиться? Взгляни на это с другой стороны: ты уж большой мальчик, да? И никакие, даже самые расчудесные родители тебе не нужны.

Её глаза горели, дама явно была настроена на долгий разговор по душам.

– Обидно же, – знаком он попросил бармена повторить. – Обидно, что ввали столько лет...

– Не обида это, Филя, обидка. Малюсенькая! У меня, знаешь, какие счёты с жизнью? Как она мне настыляла, за-ра-за! Вот где настоящие обиды... И давай уже поедим ко мне, а? – Она уронила голову на стол и затихла, утомлённая длинной речью.

Алкоголь – похититель рассудка. Так или примерно так переводится с арабского это слово. Рассудок Филиппа отказывался дальше анализировать случившееся, признав его страшную непоправимость. Завтра же поговорит с матерью, потребует разумных объяснений, хотя вряд ли они его удовлетворят.

– Пока, моя пьяная подружка. И спасибо тебе...

Как иногда бывает нужна такая случайная встреча! Фил осторожно коснулся тёмных завитков волос на её затылке и направился к выходу. Джастин Тимберлейк что-то пел ему вслед. Может, желал удачи. С трудом найдя в телефоне кнопку вызова такси, Филипп присел у входа на скамейку в ожидании машины. Выплеснутые эмоции совсем лишили сил.

Этот день лучше бы вычеркнуть из памяти навсегда. Или, что ещё лучше, прожить заново, и в том новом дне гнать из головы дурацкую мысль ехать к отцу. Зачем ему знать семейные тайны, с которыми теперь не поймёшь, что делать.

Сегодня он получил урок, который запомнит надолго. Никогда не открывай двери в бывшие квартиры своим ключом. И никогда не стой у дверей, за которыми говорят о тебе...

Она умерла, эта женщина с пронзительными синими глазами. Вера узнала об этом утром, когда позвонила в больницу. Расстроилась очень, хоть и человек этот ей совершенно чужой. Но как несправедлива жизнь... Ушла... Молодая и красивая, ей бы жить и жить...

Вера села на диван в гостиной, безвольно опустив руки. Любая смерть неожиданна, и в эти минуты откуда-то появилась обида на врачей, что не спасли, не сумели. А если спросить их о причине смерти, расскажут про раны, несовместимые с жизнью... Сейчас Вера ненавидела весь мир. Он ужасен, он жесток. Женщина бы не умерла, будь жизнь чуточку справедливей.

Возникшие вдруг пустота и растерянность, такие незнакомые прежде чувства, охватили её. А в открытую дверь балкона струился тёплый воздух, слабый ветерок играл тюлевой занавеской. И совсем не пахло горем... Намечался ослепительный летний день, солнце, словно смеясь над печалью человека, нещадно било лицо. Солнцу всё равно, что происходит на земле...

Найдут ли убийцу, того, кто протаранил машину Марины Черемис и оставил её умирать на дороге? Что-то пока не очень заметны усилия следователя Матвеева. Позвонить? Нет, лучше она заедет завтра утром, после ночной смены.

День прошёл кое-как, с маевой в душе, но на работе её печальные мысли были отодвинуты в сторону. Что бы ни случилось, придётся забыть о переживаниях и выполнять свои обязанности. У Веры ночная смена, которую никто из её коллег не любил, но ей не в тягость. Обычно ночь проходит спокойно, заселявшихся совсем мало. Вот и в этот вечер, ожидая только двоих гостей, она заполняла отчёты, углубившись в это не самое приятное занятие. Рядом вечная чашка кофе. Кофе и ночная смена – неразделимые понятия.

Чтоб восстановить душевное равновесие, она будет думать о хорошем. О маминих книгах, например, в которых жили и побеждали зло красивые и умные герои, для которых Алла Найт сочиняла жизнерадостные, справедливые хэппи-энды. Эти герои заслуживали счастья. Но о книгах не думалось, перед глазами возникло лицо Макса. Можно честно признаться себе, хоть и гад её бывший, но Вера скучала по нему, а если совсем честно, катастрофически скучала. Может, зря она его оттолкнула, не простила. Жизнь, она такая, состоит из обид и прощений... В эту минуту Вера была бы счастлива просто увидеть Макса, полюбоваться его волевым лицом, ощутить его руку в своей руке. А ещё

провести с ним сумасшедше бессонную ночь, до краёв наполненную любовью и лаской. И простить, конечно, простить...

В тот нехороший день, когда Вера увидела своего парня, целующего другую, гнев, прятавшийся внутри, поднялся вверх, сжал горло, словно собрался задушить её, девушку, вмиг ставшую ненужной. Вера и не знала, каким сильным может быть это чувство. Они были на юбилейном корпоративе фирмы, где работал Максим. Надо ли говорить, что Вера готовилась к этому событию с особой тщательностью. Она должна быть такой, чтоб Макс гордился ей, своей подругой, которая рядом с ним на этом празднике. Подбирались и отвергались наряды, украшения, клатчи. Светка, призванная на помощь, старалась вовсю, вершиной её усилий стала модная укладка Вериних волос, делавшая девушку особенно красивой.

Вначале всё шло хорошо. В эффектно оформленном зале кафе все улыбались друг другу, произносили тосты, пробовали блюда, приготовленные знаменитым шеф-поваром. Всего было в изобилии, особенно алкоголя, и очень скоро подвыпившая и шумная публика перешла на танцпол, где особенно зажигала одна юная леди в серебристом платье. Когда успел напиться Максим, для Веры большой вопрос, но он был пьян, сильно пьян. Забыв про неё, Макс тоже присоединился к танцующим, и скоро уже крутился вокруг этой дамы, которая танцевала страстно и самозабвенно. Едва держась на ногах, Макс брал её за руки, привлекал к себе, потом отстранял, а внезапно обнял и начал целовать, да так, что вокруг захлопали. Почувствовав одобрение, держась на пояс своего партнёра, дама, извиваясь, призывно глядя ему в глаза, опустилась вниз... Ещё немного, и они б стали искать уединения, чтоб продолжить свои эротические игры. Или занялись бы любовью прямо здесь...

Замерев вначале в каком-то странном ступоре, уже через минуту Вера выскочила из зала. Её трясло, щёки горели. Это было так унижительно, что она никак не могла успокоиться. Её парень забыл о ней за ненадобностью... Дрожащими руками схватила с вешалки куртку, плечом нажала входную дверь и помчалась по улице с курткой в руках, хотя было по-весеннему прохладно. Обида гнала девушку вперёд, не давая остановиться и перевести дыхание. Люди шарахались от неё в стороны, удивлённо оглядывались вслед...

Уже на следующий день Макс поджидал её после работы с букетом цветов. Он красноречиво извинялся, говорил, что был пьян, и с Эльзой они устроили эту потеху смеха ради. Вера не могла видеть его красивое и чужое лицо, ей

хотелось говорить обидные, злые слова, чтоб увидеть боль на его лице, а потом громко крикнуть «исчезни». Но она молчала, быстро шла вперёд, чувствуя, что где-то там внутри, где была душа – пустота и холод. Макс приходил ещё и ещё, доставал её звонками, но обида, затаившись у самого сердца, не исчезала. Но вот появившись он сейчас, простила бы...

Из глубокой задумчивости Веру вывел стук входной двери. Наконец-то запоздалый гость? Но что это?! Появившаяся на её лице улыбка, обязательная при встрече любого гостя, тут же погасла. Не может такого быть?! Кто-то всемогущий на высоком небе подслушал её мысли о Максе? Да, это был он, и не один. За его руку цеплялась какая-то субтильная девица с вызывающе красной помадой на губах.

– Мы можем снять номер на сутки? – спросил Максим с мстительной улыбкой на лице. Девица хихикнула, плотнее прижалась к нему.

– Сейчас посмотрю, что у нас есть...

Чтоб произнести эти простые слова, Вере понадобилось всё её самообладание, Это был сильный удар и для бывшего возлюбленного слишком подлый. Самец нашёл новую самочку и пришёл похвастаться этим?! Какой мстительный негодяй! И делает вид, что они незнакомы. Макс знал, что это ранит её, и планировал сделать больно своей бывшей девушке. Или он рассчитывал на скандал?

– Можно быстрее, мы с Ксенией страшно хотим спать.

Девица одобрительно рассмеялась, поправила бретельку платья, которая соскользнула с её острого плеча. Риск остаться без платья прямо здесь был слишком очевиден. Вера опустила вниз руку, сжала в кулак так, что ногти впились в ладонь. «Свободных номеров нет...» Еле сдерживаемые, эти слова рвались вперёд, крутились на языке, но она произнесёт другие...

– Сто десятый, комфорт. Давайте ваши паспорта.

Через пять минут они ушли в свой номер. Прежде чем войти в лифт, пропустив вперёд свою весёлую подружку, Макс оглянулся и бросил на неё торжествующий взгляд победителя.

* * *

Теперь она знала, что такое ненависть. Это закон жизни: человек всегда ненавидит того, кто приносит ему сильную боль. Макс Шевелёв совершил поступок, недостойный мужчины, и Вера постарается навсегда забыть его имя. Как же она раньше не рассмотрела подленькую сущность своего парня?! А внутри ещё всё кипело, и дрожали руки, не желавшие успокаиваться. Впредь она постарается быть умнее, этот урок не пройдёт даром. Но как же больно... Кажется, в душу вцепился страшный монстр и безжалостно драл её железными когтями.

Увидев спускавшегося по лестнице Алексея Павловича, вечного командировочного, который нередко останавливался у них, Вера не нашла в себе сил улыбнуться ему, хотя этого постояльца, приятного мужчину средних лет, ставшего почти своим, здесь любили.

– Что-нибудь не так, Алексей Павлович? Или просто не спится?

Лёгкая беседа – может, это то, что нужно ей сейчас, чтобы сердце перестало стучать стопудовым молотом, словно пыталось вырваться из тесной грудной клетки.

– Не спится, но не просто так, дорогая Верочка, – он облокотился о стойку, обдав её стойким ароматом Hugo Boss. – Неприятности сплошные. Мама заболела, надо возвращаться, так и не закончив дела...

– Мама заболела? Как жаль... Неприятности ужасны, – её лицо помрачнело, что не укрылось от зоркого глаза Алексея Павловича.

– Сколько людей, столько печалей и горестей. У вас, вижу, тоже что-то стряслось?

«Да, очень даже стряслось. Хотя вряд ли я расскажу ему об этом», – подумала Вера.

Но он ждал, смотрел так участливо, что ей захотелось выговориться. Завтра этот гость уедет в свою Москву, и ему, как случайному попутчику в скором поезде,

можно рассказать про свои беды, выплеснуть их из души, не беспокоясь о последствиях. А жизнь покажет, верно ли она поступила.

Верин собеседник оказался внимательным и терпеливым слушателем, его эмоциональное сопереживание было точно таким, какое было нужно Вере. Он слушал, вздыхал, качал головой, постукивал по её руке в знак сочувствия. А потом удивил. Пробормотав «одну минуту», куда-то убежал. Вернулся скоро, принес с собой бутылку коньяка, на наклейке которой ярко выделялись пять золотых звёзд.

– Давайте выпьем, милая Вера, чтоб закончились наши неприятности.

– Ну что вы, я на работе. Нам категорически запрещено... Категорически!

– Нам с вами надо проводить наши беды. Куда-нибудь подальше. И вспомнить добрым словом ту погибшую женщину, – перебил её мужчина. – Всего пять граммов напитка аристократов, его и алкоголем-то не назовёшь. – Он щедро плеснул янтарной жидкости в стоявший рядом стакан. – Чисто символически, Верочка, мне одному не пьётся никак.

Ей предлагали лёгкий способ немного успокоиться. Ну, что ж...

– Да вы и мёртвого уговорите, – она взяла стакан, поднесла к губам и, зажмурившись, сделала глоток.

– А теперь за здоровье моей матушки.

Это был тот случай, когда легче согласиться, чем спорить. Только пару глотков... Коньяк обжёг горло, разлившись внутри приятным теплом. Вспомнив о видеокамерах, Вера решила, что никто не будет разглядывать, что налито в том стакане, что она подносит ко рту. Записи с камер просматривались крайне редко, только в тех случаях, когда возникали серьёзные конфликты с постояльцами. Но в их образцовом коллективе проблемы с гостями решались быстро и исключительно мирным путём безо всяких камер.

Кажется, они выпили ещё, за то, чтоб неприятности не вились вокруг, окончательно исчезли и больше не появлялись. Её собеседник что-то громко

рассказывал, размахивая руками. Вера слушала вполуха, расслабившись, она захотела спать и сидела на стуле, полузакрыв глаза.

Внезапно голос Алексея Павловича затих, и девушка услышала лёгкое покашливание. Гостья, забронировавшая номер, которую Вера ждала сегодняшней ночью, стояла рядом со стойкой и строго смотрела на неё.

Хороша же картинка! Бутылка, стаканы, полусонный администратор... Вера была готова сквозь землю провалиться.

– Простите...

А тут ещё и протянутый женщиной паспорт, как назло, выпал из рук. Чёрт побери, да она в полном дерьме!

– Вы всегда в таком виде встречаете своих гостей? – женщина взглянула на Веру с лёгким презрением.

– Нет, что вы! Только сегодня...

Боже, что она несёт!

Поджав губы, дама взяла ключи и удалилась. Даже спина гостьи, неестественно прямая, выражала недовольство тем, как её встретили в этом, казалось бы, приличном отеле.

Алексей Павлович, отсиживавшийся в холле, подошёл к Вере с виноватым видом.

– Вот так всегда... От моих добрых намерений один вред. Простите, Верочка, виноват, кругом виноват...

– Да ладно, всё в порядке... Идите отдыхать.

– Этот ваш Семён мне бутылку подарил, – не унимался он. – Разопьёте, говорит, с нашими девочками. С Верой, например...

– Что?!

Семён?! Да не может быть! Впрочем, очень даже может! Решил подгадить чужими руками? Она не удивится, если завтра Семён будет с рвением расследовать этот инцидент. Придумает даже то, чего не было, раздует ситуацию до космических масштабов.

Бывают плохие дни. Бывают очень плохие дни. Но хуже этого ещё не было в Вериной жизни. И закончится ли когда-нибудь этот проклятый день? Она еле дождалась утра. Сдав смену, медленно пошла к метро. Шёл дождь, но наказывая себя, Вера не стала прятаться. Пусть сбегает зигзагами струй по плечам, пусть падает тяжёлыми каплями на её глупую голову. Так ей и надо...

* * *

Судьба не может смириться, что у Веры всё хорошо? Дома, стоя под душем, пущенным во всю силу, она снова и снова думала о случившемся. Что-то в её жизни пошло не так... Смерть женщины, пострадавшей в аварии, жестокая выходка Макса, её ночная смена со стаканом коньяка в руке... Вчерашний день был, словно прогулка по минному полю, и у неё не получилось уцелеть. Сейчас ей так больно, как будто саднила страшная рана на груди, сжатая бинтами. Не выдержав, Вера присела на корточки и, обхватив колени руками, заплакала. Струи воды, добавляя боли, хлестали по спине и плечам, словно тоже карали её, и без того несчастную. И смешивалась, стекая по лицу, горячая вода с горячими слезами на Вериных щеках...

А в комнате звонил, надрываясь, телефон. Кто-то очень настойчивый хочет услышать её голос? Это невыносимо. Вера вышла из душевой кабинки, накинув полотенце, направилась в гостиную.

– Слушай, тут такое творится! – не здороваясь, затараторила Светлана, едва Вера нажала зелёную кнопку. – Сёмка ходит, всем рассказывает, что ты пьянствовала ночью с одним из гостей. Я не верю, Вер.

Она замолчала, и в этом молчании был вопрос, который ждал ответа.

– Заезжай после смены. Тогда и поговорим... – У Веры не было сил, чтоб пересказывать подруге свою невесёлую историю. – До вечера, ладно?

Ей нужно немного поспать, осуществить простое и понятное желание провести день, не случайно называвшийся отсыпным, в постели, тихо и спокойно, накрывшись с головой тонкой простынёй. А потом медленно просыпаться в закатных сиреневых сумерках, мечтая о чашке зелёного чая с пирожным. Но уснёт ли, если внутренний диалог самой с собой никак не хочет прекращаться?

Вера прилегла на кровать, думая, как ей обмануть растревоженную нервную систему и уснуть. Но телефон опять зазвонил, не дав даже закрыть глаза. «Я становлюсь популярной», – мрачно подумала она, подтянув к себе телефон. Это был следователь, который снова хотел встретиться.

– Завтра в десять вас устроит?

– Вполне.

Отключить телефон – это первое, что она сейчас сделает. И закроет, наконец-то, глаза... Но сон не шёл. Перед глазами мелькало то лицо Макса с мстительной ухмылкой, то лицо той несчастной женщины в разбитой машине. Всерьёз беспокоила работа. Как отнесётся к её проступку Камалов? Управляющий добр, но всему есть предел. Можно не сомневаться, что Семён сумеет правильно преподнести эту историю управляющему. Уволит? Или даст шанс исправиться?

К счастью, ей удалось ненадолго забыться сном. Разбудил длинный звонок в дверь, его звонкая трель по-садиистски просверлила мозг. С трудом оторвав от подушки тяжеленную голову, Вера поплелась в прихожую. Можно дать голову на отсечение, что это Светлана, только она может так трезвонить.

– Ну, ты как? – Светкины тёплые руки сомкнулись за её спиной.

– Хуже не бывает. Получила три удара по дых. – Вера решила выдать всё и сразу. – Заявился Макс с какой-то кралей, снял номер на ночь.

– Как?! – Светка громко ахнула и быстро закрыла рот ладонью. – Вот же скотина!

– И ещё, знаешь, та женщина... Умерла... – вздохнув, она замолчала. – Александр из сто десятого, которому, как назло, не спалось, предложил помянуть... И тут эта гостья появилась... А я почти сплю и бутылка рядом... Как специально

выбрала момент...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/del-mare_aleksandra/otel-rastoptannyh-zhelaniy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)